

Офицеры.

Николай Реден “Сквозь ад русской революции. Воспоминания гардемарина”

“... В качестве корректировщика артиллерийского огня я посещал расположение разных боевых частей и общался с огромным количеством людей. Как и в любой другой, в Белой армии не было двух абсолютно одинаковых людей, но офицеров этой армии можно было условно разделить на четыре категории. Если в полку встречались хотя бы два офицера, принадлежавшие к одной из категорий, им стремился подражать весь личный состав.

Одна категория белых офицеров несла большую ответственность, чем другие, за потерю престижа анти-большевистским движением в массах населения России. Часть офицества состояла из военных, ожесточившихся в ходе мировой войны, революции и красного террора. Ими двигало стремление к немедленной мести. К сожалению, в результате пятилетнего хаоса и кровопролития эта категория людей численно увеличилась. Они несли основную ответственность за потерю престижа Белой армии. Им были чужды какие-либо угрызения совести. Они не просили и не давали пощады, грабили и терроризировали гражданское население, расстреливали дезертиров и пленных из Красной армии. Перед своими солдатами такие офицеры становились в позу Робин Гудов, не считающихся с законом, разыгрывая из себя справедливых, но беспощадных атаманов. Их отношение к начальству менялось в зависимости от обстоятельств — от безукоризненной корректности до полного неподчинения. Когда я посещал подразделения таких командиров, у меня складывалось впечатление, что вернулся в Средневековье и попал в банду грабителей.

Отношения между регулярными войсками и этими противозаконными бандами обычно переходили в состояние открытой враждебности. Во время одного из отступлений произошёл такой, вполне типичный инцидент.

По обеим сторонам железнодорожного полотна действовала пехота нерегулярных формирований. Наш бронепоезд сдерживал наступление противника, чтобы позволить своим войскам отойти. Каждые два или три часа мы совершали десятимильные перегоны за боевые порядки наших войск, чтобы убедиться в том, что какая-нибудь диверсионная группа не повредила пути в нашем тылу. Во время одного из таких перегонов, когда наш бронепоезд подъезжал к пустынной, заброшенной станции, мы заметили недалеко от депо толпу примерно из пятидесяти солдат. Бронепоезд притормаживал, и из наблюдательной будки на паровозе наш командир окликнул их.

От группы отделился человек и пошел по направлению к нам. На нем была фуражка набекрень, погоны капитана, на поясе висели сабля и револьвер в кобуре, в руках — нагайка. Нам были знакомы такие субъекты. Командир, другой офицер и я прыгнули из вагонов, чтобы его встретить. Незнакомец лихо козырнул, командир отдал честь в ответ и спросил:

— Капитан, что здесь происходит?

— Ничего такого: мы вешаем телеграфиста.

Незнакомца слегка позабавили недоуменные выражения наших лиц.

— Вешаете телеграфиста? Зачем же?

— Мы застали его за демонтажом аппаратуры.

— Он это делал по моему приказу, — голос командира звучал раздраженно, — я здесь за старшего и буду признателен, если вы немедленно передадите телеграфиста мне!

Брови незнакомца взметнулись вверх, и он произнес ледяным, наглым тоном:

— Сожалею, но я уже отдал приказ повесить его.

— Здесь я приказываю! — выкрикнул командир.

Последовала напряженная пауза, в течение которой никто не двигался с места, затем командир резко повернулся к нам и громко сказал:

— Держите этого сукина сына на мушке! Если пошевельнется, стреляйте!

Лейтенант и я вынули револьверы и наставили на незнакомца. Командир прокричал офицерам на броне-поезде:

— Видите тех людей? Подготовьте к стрельбе пулеметы и в случае чего открывайте огонь!

Убедившись, что его распоряжения выполнены, командир снова обернулся к незнакомцу:

— Эй, ты! Прикажи своим людям немедленно привести телеграфиста сюда!

Через несколько минут дрожащего телеграфиста поместили в один из наших вагонов целым и невредимым. Бронепоезд тронулся, оставляя позади пустынную станцию с недовольной бандой.

В этот раз мы прибыли вовремя и спасли невинную душу, но в руках нерегулярных формирований оставались целые участки фронта, где их ничто не могло сдержать. Там, где господствовали нерегулярные формирования, царили беспредельная жестокость и зверство, командование белых ничего не могло с ними поделать. На фронте было слишком мало сил, чтобы выделить для осуществления полицейских функций надежные, дисциплинированные подразделения. Кроме того, несмотря на свои бесчинства, незаконные формирования все-таки представляли собой в целом весьма боеспособные части. Эти соображения заставляли командование белых относиться в общем безучастно к жалобам на мародерство.

Если офицеры, превратившиеся в грабителей и убийц, представляли одну крайность, то другую составляли люди, совершенно деморализованные событиями предшествующих лет. Некоторые из них прибыли на фронт из тыла, но не потому, что повиновались чувству долга или стремились отстоять в борьбе свои убеждения, а из-за того, что не были востребованы в других местах. Большинство из них были принудительно мобилизованы в Красную армию, в рядах которой они воевали спустя рукава. Попав в плен к белым, они воспринимали перемену в своем положении как естественный ход событий. Часто превращение из красного в белого длилось всего несколько часов.

В начале июля наш бронепоезд оказывал поддержку пехоте, отражавшей атаки красных. Эффективность нашей поддержки серьезно ограничило появление батареи противника, укомплектованной шестидюймовыми орудиями. Белая армия остро нуждалась в тяжелой артиллерии, и было трудно удержаться от соблазна захватить батарею. Ночью после короткого совещания генерал, командовавший дивизией, отдал соответствующий приказ. На следующее утро была предпринята внезапная атака на трехмильном фронте. Красную пехоту захватили врасплох, и атакующие подразделения вскоре овладели шестидюймовыми орудиями. Среди первых, кому удалось это сделать, было десантное подразделение с нашего бронепоезда.

Батареей командовали четыре офицера. При них имелись документы, подтверждающие, что офицеров мобилизовали в Красную армию. Они не пытались бежать или защищать орудия батареи, но не проявили также энтузиазма в связи с перспективой службы в Белой армии. За полчаса, в течение которых мы проверяли их документы, появились признаки того, что красные готовят контратаку. Шестидюймовые орудия были повернуты в их сторону. Командовали ими те же офицеры, огонь батареи в значительной степени способствовал отражению атаки красных.

Меня поражала пассивность этих четырех офицеров. Их апатии нельзя было считать напускной: просто они утратили всякую надежду на будущее. Они приходили в движение, подобно изношенным автоматам, механически следуя командам и выполняя любое задание. Они не жили, а существовали, не воевали, а цеплялись за жизнь. Духовно и эмоционально они стали мертвецами.

Третий тип белого офицера представлял собой резительный контраст двум первым. Эта категория состояла из тех, кто не считается с реальностью. Они пребывали в относительном спокойствии, внушая себе веру в то, что ничего не изменилось. Многим из них удалось сохранить хоть что-то из былого состояния. Большинство из них служили за линией фронта, предаваясь безопасной игре, в которой больше всего значили соблюдение норм и правил армейской жизни. Очевидно, их нелепое самодовольство могло продолжаться лишь до тех пор, пока другие офицеры и солдаты сохраняли готовность сражаться на фронте, но это соображение не мешало порицать любого человека, который не соблюдал их правила игры.

После двухмесячного пребывания на фронте мне предоставили однодневный отпуск. Я прибыл в Нарву без денег, в потрепанной одежде и обуви, весь завшивевший, однако день отдыха был слишком коротким, чтобы успеть позаботиться о своем внешнем виде. Со станции я направился в морской клуб в надежде встретить приятеля, который угостил бы меня едой и выпивкой.

Неожиданно позади услышал голос. Повернувшись, я увидел одетого с иголки лейтенанта, с начищенными до блеска ботинками и посверкивающими серебром погонами на плечах.

— Вы почему не отдаете честь? — спросил лейтенант.

— Я вас не заметил, — ответил я.

Он неприязненно оглядел меня и произнес размеренным тоном:

— Полагаю, вам надлежит носить форму гардемарина, но ваша форма имеет неподобающий вид! Мне следует посадить вас под арест до выяснения вашей личности.

Я вышел из себя:

— К черту! Я иду в морской клуб, вы сможете найти меня там, если надумаете арестовать.

Лейтенант не пытался меня остановить. В клубе я встретил нескольких старых друзей и рассказал им о своем злосчастном приключении. Как раз в то время, когда я заканчивал рассказ, мы увидели через окно, как к двери подходят два офицера и полдесятка солдат. Одним был тот самый лейтенант, очевидно вознамерившийся привести свою угрозу в исполнение. Меня поспешно увели в боковую комнату, в то время как три старших морских офицера остались для встречи с патрулем. Не знаю, что именно они сказали лейтенанту, но их доводы, должно быть, были сочтены убедительными, поскольку инцидент никаких последствий не имел.

В данном случае корпоративный дух морского офицества защитил меня от наказания за пренебрежение субординацией. Однако те, у кого не было друзей за линией фронта, постоянно подвергались мелочным придиркам со стороны самозванных блюстителей дисциплины.

В качестве особой группы сторонники строгой дисциплины в Белой армии не представляли такую опасность, как отчаянные бандитские элементы, или не были так ненадежны, как пассивные, безропотные офицеры. Но косвенно они немало способствовали возбуждению антагонизма в рядах белых. Сам вид этих чистополюев приводил в бешенство, особенно в связи с очевидностью того, что они требуют много, а дают мало для успеха Белого дела.

Однако все эти группы были в известном смысле приживалы. Они не могли найти общую платформу для действий и не смогли бы просуществовать достаточно долго в условиях войны, если бы не четвертая категория офицеров, являвшаяся стержнем Белого движения.

Людей, составлявших последнюю категорию, классифицировать нелегко. Они представляли широкий спектр социальных слоев и политических убеждений. Среди них встречались аристократы, жизненной философией которых был девиз: “За веру, царя и Отечество”; либералы; представители помещичьего класса, многие поколения которых служили государству; студенты университетов и других высших учебных заведений, чьи идеалы растоптали большевики. Но все эти социальные различия сглаживались двумя их фундаментальными обстоятельствами: любовью к Родине и готовностью идти на жертвы ради своих принципов.

В ходе кровопролитной Гражданской войны офицеры этой категории выработали неписанный строгий кодекс поведения, которого неукоснительно придерживались. Одно из главных требований — самодисциплина, причём весьма суровая. Возможно, это требование явилось непроизвольной реакцией на анархию и беспорядок, которые сопутствовали революции, но эти люди переносили жесточайшие трудности без нытья и жалоб, когда же получали приказы, то стремились сделать невозможное.

Удрученные бессмысленным разрушением, презирая своих менее щепетильных соратников, патриоты Белой армии относились к гражданскому населению почти по-рыцарски.

В августе, когда Северо-Западная армия отступала под ударами многочисленных сил противника, батальон слева от нас неожиданно остановился. Бои усилились, и, к нашему ужасу, белая пехота без предупреждения пошла в контратаку. Хотя цель этого маневра нам была неясна, наш бронепоезд принял участие в операции, чтобы не допустить прорыва фронта. Красные повернули назад, и мы отогнали их на целую милю. Затем, также неожиданно, бой затих. Каждый член экипажа бронепоезда недоумевал по поводу неожиданной вылазки и стремился выяснить ее причину.

Секрет открылся тем же вечером. Проходя через деревню, белый солдат вошел в крестьянскую хату и украл пальто. К тому времени, когда офицеры узнали о краже, деревню уже занял наступавший противник, но командир батальона решил преподать своим солдатам урок — наказание за мародерство. Роту, в которой служил провинившийся солдат, послали в контратаку с целью вернуть украденное пальто законному владельцу. Когда приказ был выполнен, атаковавшее подразделение отозвали с занятых позиций, но операция “украденное пальто” оставила неизгладимое впечатление в сознании солдат.

Ничто не внушало солдатам доверия более, чем личная храбрость этой категории офицеров. Молодые или старые, они не думали об опасности. Дни напролет эти военные мужественно выполняли свой долг и были готовы к действиям в любой чрезвычайной ситуации. Я неоднократно был свидетелем высочайшей силы их духа.

С высокого холма, обращенного к реке Луге, я видел, как пехота белых штурмует мост. Неожиданный натиск сбил красных с их позиций на западном берегу, они отступили ко второй линии окопов на другой стороне реки. Несколько минут казалось невозможным представить, что кто-то попытается преследовать их по деревянному настилу под пулеметным и ружейным огнем. Однако из подлеска, окружавшего подступы к мосту, выскочили два человека: морской капитан среднего возраста и семнадцатилетний гардемарин. Когда эти двое двинулись в сторону противника, стрельба стала настолько плотной, что попытка добраться до противоположного берега казалась безнадежной. Через минуту младший из двух храбрецов достиг центра моста, однако пока никто за ним не последовал... Когда показалось, что эти двое обречены на гибель, на мост выбежали вдруг еще три человека, затем еще пять, далее их становилось все больше и больше, пока не образовался сплошной поток. Воодушевленные примером своих офицеров, солдаты бросились в атаку на окопы красных. Мост перешел в руки белых, противник обратился в бегство.

Бесстрашие не было редкостью среди этих людей, которые несли на своих плечах основное бремя вооруженной борьбы в Гражданскую войну, но имена некоторых особенно прославились. В Северо-западной армии один молодой полковник стал почти легендой. В некоторые из подвигов, приписывавшихся ему, было трудно поверить. Я тоже относился скептически к таким рассказам, пока не увидел полковника в деле. Под огнем, когда вокруг него падали солдаты, сраженные пулями, он невозмутимо гарцевал на черном коне.

Но больше всего меня поразило зрелище, когда генерал вел в атаку пехотный полк. Высокий, широкоплечий, сильный, он шагал по полю в своем легком сером кителе, как сказочный великан. Многие солдаты бегом ринулись за ним, стремясь его нагнать. Он же шел, не глядя по сторонам, выкрикивая густым басом ругательства. Трудно было понять, бранил ли он своих солдат за чрезмерную медлительность или адресовал свою брань противнику. Должно быть, он был легкой мишенью для красных, и не верилось, что он уцелеет. Я был почти согласен с солдатом, который после атаки сказал:

— Красные его не убьют. Уж больно он грозен — страшно в него целиться!

Белые офицеры, выполнявшие свой долг с такой самоотдачей, были немногочисленны, но азарт и решительность становились важнейшим фактором на этой войне. Без них Белое движение не смогло бы набрать силу. Только такие люди были способны противостоять смуте, слабому управлению войсками; только они спасали престиж Белого дела среди гражданского населения; только они вносили организованность в ряды разного сброда в Белой армии; только они были препятствием на пути красных к победе.”

